

Источник: *Куренной В.* Теория партизана. [Рец. на книгу: Шмитт К. Теория партизана. М.: Праксис, 2007] // *Неприкосновенный запас*. 2008. № 1. С. 275-278.

Шмитт Карл. Теория партизана / Пер. с нем. Ю. Ю. Коренца. — М.: Праксис, 2007. — 301 с.

Собрание сочинений Карла Шмитта на русском языке пополнилось еще одним изданием, включающим в себя работу «Теория партизана: промежуточные замечания по поводу понятия политического» (1963) и «Беседа о партизане» Карла Шмитта и Иоахима Шикеля (1969). Перевод «Теории партизана» в исполнении Ю. Ю. Коренца, давно доступный в сетевом варианте, редактору перевода Б. М. Скуратову все же удалось, на наш взгляд, привести в сравнительно читабельный вид. Издание замыкают исторические комментарии к обеим работам, а также обширная и обстоятельная статья Т.А. Дмитриева, раскрывающего как исторический, так и политико-теоретический контекст концепции Шмитта.

Как следует из подзаголовка основной работы, «Теория партизана» выступает в качестве дополнения к одной из основных работ Шмитта «Понятие политического». И действительно, в разгар послевоенных национально-освободительных и революционных войн Шмитт обращается к военному и политическому феномену, который не учитывали его довоенные работы. Таков феномен партизана — новой фигуры «мирового духа», историю трансформации которой Шмитт прослеживает от момента ее появления во время антинаполеоновской испанской герильи вплоть до революционно-идеологических войн XX века.

Шмитт, разумеется, не был первым мыслителем, обратившимся к осмыслению этой фигуры. Фундаментальный опыт философско-теоретического осмысления феномена партизана принадлежит основоположнику военно-стратегической теории модерна Карлу фон Клаузевицу. Появление современной массовой войны, ведущейся армиями, комплектуемыми на основе всеобщей мобилизации (одно из изобретений Великой французской революции), полностью изменило характер европейской войны и положило начало совершенно новому явлению — народной войне. Последняя, по словам Клаузевица, «должна рассматриваться как прорыв, произведенный в наше время стихией войны в ограждавших ее искусственных дамбах, как дальнейшее расширение и усиление того общего процесса брожения, который мы зовем войной». Теория Клаузевица, впрочем, хорошо известна каждому российскому школьнику, читавшему «Войну и мир» Льва Толстого. Именно Толстой эстетическими средствами популяризировал эту доктрину, описывая в своем романе «дубину народной войны», не признающую никаких условностей и конвенций, характерных для «охраняемых», как выражается Шмитт, войн XVIII в.

Таким образом, партизан является новой фигурой современных военно-политических столкновений, но, парадоксальным образом, являет собой защитника именно традиционного порядка, хотя, как отмечает Т. Дмитриев, он и мог «появиться только в современных условиях» (С. 253). Эту традиционность наиболее полным образом воплощает одна из сущностных черт партизана — его теллурический, привязанный к земле, характер. Теллурическая укорененность определяет такую особенность классической партизанской войны, как ее оборонительный характер. Партизан ведет войну только против захватчиков, и он прекращает ее, когда ему удастся освободить свой край. Кроме того, «классического» партизана отличает еще три признака — иррегулярный характер ведения боевых действий (противоположный регулярности армейских

соединений), повышенная мобильность и высокая степень идеологической вовлеченности. Последняя характеристика, замечает Шмитт, «возрождает первоначальный смысл слова *партизан*», которое происходит от слова «партия» и «указывает на связь с каким-то образом борющейся, воюющей или политически действующей партией или группой» (С. 27). В точки зрения этих характеристик партизанские войны в Испании, Тироле и России, которые велись против наполеоновской армии, можно считать «асимметричной реакцией на революционные и наполеоновские войны: война нового типа, которую вела регулярная армия нового типа, столкнулась здесь с партизанской войной нового типа, которую вела армия иррегулярных бойцов» (Т. Дмитриев, С. 235).

Феномен партизана был, однако, весьма серьезным образом переосмыслен такими теоретиками, как Ленин и Мао, освободившими партизана от кровной связи со своей землей и поставившими его на службу более абстрактным, идеологическим задачам. Тем самым партизану предстояло сыграть важнейшую роль во «всемирной гражданской войне», начавшейся после октября 1917 г. Но в этой войне, партизан, поставленный на службу «заинтересованной третьей силе» (каковая, согласно Шмитту, постоянно стремится подчинить его своим интересам), изменил своей собственной сущности: «теперь он стремится не к освобождению родной земли, но к уничтожению абсолютного врага» (Т. Дмитриев, С. 277). Таким образом, враг партизана становится, в терминологии Шмитта, уже не «действительным», а «абсолютным врагом». Однако тем самым партизан утрачивает свою специфическую легитимность, укорененную в его связи с землей и освободительном характере его действий. Его подчиняет «третья» (идеологическая) сила, от которой теперь и зависит признание фигуры партизана. Наконец, на смену фигуре партизана, приходит фигура террориста, которая, впрочем, все еще не попадает в поле зрения Шмитта. Т. Дмитриев, считает, что это террорист — это новое явление, отличное от фигуры партизана, главным образом, по следующим основаниям: «в отличие от партизана современные террористы не знают ни территориальных ограничений, ни различия между военным и гражданским населением» (С. 296). К этому дискуссионному, на наш взгляд, вопросу мы еще вернемся, а пока попробуем понять, почему фигура партизана привлекла столь пристальное внимание Шмитта в контексте его теории политического.

Вопрос о политическом, как известно, поставлен Шмиттом как вопрос о различии «друзей» и «врагов», каковое является базовым, экзистенциальным и сущностным для всякого проявления политического как такового. В той форме, как этот вопрос изначально был поставлен Шмиттом («Понятие политического»), он предполагал возможность возникновения политического различия на основе любой — религиозной, моральной, национальной, экономической и т.д. — диссоциации людей, достигшей определенной степени интенсивности. И все же опыт двух войн XX века, несмотря на так и нереализованную, хотя и ощутимую угрозу всемирной классовой войны, показал, что основной формой организации политического, кульминирующего в реальной войне, остается государство, т.е. та единица, которая выступает как основной политический субъект в рамках вестфальской политической системы. Именно в этом контексте партизан, который, как показала уже испанская герилья, был способен организовать военно-политическую борьбу помимо и даже вопреки государству, мог представлять для Шмитта несомненный интерес. Феноменология партизана обнаруживала новый субстрат и новую конфигурацию политического, свой собственный способ разделения на врагов и друзей — политика здесь отделяется от государства (ср. Дмитриев, С. 267-268). В какой мере этот режим установления политического различия обладал самостоятельностью и имел самостоятельную историческую перспективу, а в какой был обречен на подчинение другим способам установления политической дихотомии — вот, по-видимому, основная причина интереса Шмитта к этой фигуре. Шмитт полагал, однако, что помимо подчинения «третьей стороне» (каковой, очевидно, является революционная идеология) специфическому типу партизана грозит еще одна опасность: он обречен на исчезновение

по мере нарастающей технической рационализации и управляемости мира. И здесь мы возвращаемся к вопросу о современном террористе, как раз предполагающем наличие современных рациональных технических средств. Является ли он результатом эволюции фигуры партизана, или, как полагает Т. Дмитриев (отмечающий, впрочем, и ряд сходств между ними), новым явлением, пришедшим *на смену* партизану после завершения «всемирной гражданской войны»?

Наша позиция по этому вопросу, изложенная ранее в ряде статей (Прогнозис. 2006. № 1 (5); Апология. 2005. № 6 (6)), состоит в следующем: террорист — это, по сути, партизан, лишенный своего теллурического характера (отказ от оборонительного характера партизанской войны является лишь одним из следствий этой модификации). Такое определение представляется нам корректным, исходя из критериев, предложенных самим Шмиттом. Характер средств, используемых партизаном, включая террор местного населения, относится к тактике, а не к сущности партизанской войны. Достаточно напомнить, что даже § 27 эдикта Фридриха Вильгельма III о «ландштурме» (1813 г.), цитируемый в той же статье Т. Дмитриева (С. 242) требовал обращаться «как с рабами» с соотечественниками, не проявлявшими должного мужества в партизанской борьбе. Поскольку же всякое пассивное непротивление может быть объявлено коллаборационизмом, жертвы среди гражданского населения не является достаточным критерием для того, чтобы считать идеологически ангажированного партизана, лишившегося своего теллурического характера, фигурой принципиально отличающейся от фигуры террориста. Другое дело, что потеря связи «с почвой» имеет множество самых разных и весьма принципиальных последствий. С этой точки зрения нам представляется, что противопоставление фигуры партизана и современного террориста продиктовано стремлением комментатора принципиальным образом размежевать, в частности, революционного партизана и современного террориста. Мы придерживаемся другой позиции: партизан и террорист явления, скорее, сходные, чем различные. И лучше всего это иллюстрирует чеченский опыт: партизан, опирающийся на поддержку местного населения, может очень быстро превратиться в террориста, когда он такой поддержки лишается.